

А.Қ.ТОЛСТОЙ

Собрание сочинений : в 4 томах. Том 3 //Художественная литература,
Москва, 1964
FB2: "fb2design ", 17 August 2011, version 2.2
UUID: 4D9E7ED5-C4C1-4CF8-A3FF-71998E645084
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Алексей Константинович Толстой

Два дня в киргизской степи

Вместе с казаками, охраняющими линию границы от кочевых казахов (киргиз-кайсаков), автор удачно поохотился на сайгаков в оренбургской степи.

**Алексей Константинович
Толстой
Два дня в киргизской степи**

Уже около месяца жили мы на кочевке, верстах в полутора от Оренбурга, а охота, от которой мы обещали себе столько удовольствия, почти ничего не представляла занимательного. Лето было самое жаркое, все болота высохли; со дня на день ожидали соколов, чтобы поохотиться на уток и стрепетов, но соколов не привозили, и нам оставалось только ходить с лягавой за тетеревами.

Во всяком другом месте эта охота была бы для меня занимательна, но здесь она мне скоро надоела. Кочевка[1] расположена между высокими холмами, составляющими начало Уральского хребта и покрытыми дубняком и березником. Мимоходом можно сказать, что холмы эти совершенно между собою схожи и что ничего нет легче, как в них заблудиться. Почти все они имеют ту же оригинальную форму, почти все увенчаны стенообразным гребнем сланцеватого камня, и в каждой долине протекает небольшой ручей, с обеих сторон скрытый кустарником. Долины эти изобилуют разными ягодами, а более всего особенным родом диких вишен, растущих в высоком ковыле едва приметными кустами.

Им-то, кажется, должно приписать невероятное множество тетеревей, водящихся в этих местах. Каждый день мы стреляли штук по шестидесяти и даже по сто, но уменьшения их вовсе не было заметно. Обыкновенно мы уезжали верхами рано поутру и часа через три возвращались домой, обвешанные добычей. Каждый из нас убивал столько, что невозможно было поместить всего в обыкновенном ягдташе, и, чтобы помочь этому неудобству, один опытный охотник того края изобрел ремни, которые, не занимая лишнего места, могли поместить на себе множество дичи. С начала охоты ремни эти мы носили через плечо, а под конец навьючивали ими лошадь. Случалось, что мы принуждены были воротиться единственно потому, что у нас истощался весь запас пороха и дроби. Чтобы дать некоторое понятие о числе тамошних тетеревей, я приведу только один пример. В течение часа мы однажды втроем убили шестьдесят три штуки.

Правда, что у нас была отличная собака: бедный Буффон был глух и крив, но имел такое чутье и такую стойку, каких я никогда не

видывал. Я помню, однажды он стал над куропаткой. «Пиль!» — сказал я. Буффон ни с места. «Пиль, Буффка!» Буффон не шевелится. «Пиль, дурак!» — закричал я и пихнул его ногой. Буффон перекувырнулся и стал ко мне лицом, нисколько не теряя ни хладнокровия, ни стойки. Куропатка сидела между им и мною, и я поймал ее руками. Таков был бедный Буффон, но даже и без него мы бы настреляли пропасть тетеревей: стоило только отойти шагов двести от кибиток, чтобы поднять несколько выводков. Охота эта могла позабавить сначала, но у нее недоставало главной прелести охоты: ожидания неизвестного, которое так же приятно охотнику, как и игроку. Если б сей последний знал наперед, что он не может проиграть, игра для него, вероятно, лишилась бы всей занимательности. Так точно и я, уверенный заранее, что убью непременно столько-то штук, не находил в том никакого удовольствия. Тетеревиная стрельба наша напомнила мне кровопролитные охоты в немецких парках, охоты, которых, откровенно сказать, я терпеть не могу.

После этого сознания легко себе можно

представить, как я обрадовался, когда пришло на кочевку известие, что за Уралом, в Киргизской степи, показались сайгаки. Я вспомнил об описаниях Этого животного в натуральных историях, где об нем всегда говорится как об одном из быстрееших и недоступнейших антилопов. Некоторые из охотников, бывшие в Хивинской экспедиции[2], рассказывали нам, как на возвратном пути, весною, им случалось встречать сайгаков и как они тщетно старались догнать <их> лучшими скакунами. Однажды им удалось окружить целый табун и вогнать его в середину обоза, но сайгаки без всякого усилия перепрыгнули через навьюченных верблюдов и тотчас скрылись из виду.

Подобные рассказы еще более возбудили мое любопытство, и я горел нетерпением увидеть сайгака, почти не смея надеяться на удачу охоты. Целый день мы выливали пули, пробовали штуцера и делали патроны. От кочевки до Сухореченской крепости, где нам надлежало ночевать и потом переехать через Урал, было верст двести. Езда в Оренбургской губернии неимоверно быстра, степные доро-

ги гладки, как паркет, а башкирские лошади неугомымы.

Часов в четырнадцать мы на двух тарантасах проскакали двухсотверстное пространство и еще нашли время выкупаться в Сакмаре и пообедать в одной из линейных станиц. Места, чрез которые мы проезжали, были очень разнообразны и живописны; сначала такие же холмы, как и на кочевке, потом широкие долины, Сакмара, отсвечивающая сквозь лес серебряных тополей, зеленая, цветущая степь, а вдали голубые Губерлинские горы.

Стаи витютней пролетали над нами; по дороге прохаживались степные кулики, с красным носом и красными ногами, называемые сороками по цвету их перьев; время от времени вспархивал из-под тарантаса испуганный стрепет, и поминутно выскакивали из нор своих суслики и свистели, сидя на задних лапках. На все это мы почти не обращали внимания, будучи заняты лишь мыслию о сайгаках. Часов в девять вечера мы приехали в Сухореченскую крепость и остановилась у станичного атамана. Перед его домом казаки

забавлялись стрельянием в цель из длинных винтовок с крошечным калибром и с присошкой о двух остриях, приделанной к ложу. Настрелявшись с ними вдоволь и выкупавшись в Урале, мы легли на дворе на свежем сене и заснули под говор атамана, рассказывавшего нам, как его взяли в плен киргизы и как он от них убежал.

Солнце едва начинало всходить, а тарантас наш уже ехал по берегу Урала, окруженный конвоем башкирцев. Переезд через реку был как нельзя более живописен. Крутые берега, утесы, тарантас, до половины колес погруженный в воду, прыгающие лошади, башкирцы, вооруженные луками, наши ружья и сверкающие кинжалы, все это, освещенное восходящим солнцем, составляло прекрасную и оригинальную картину. Урал в этом месте не широк, но так быстр, что нас едва не унесло течением. На другой стороне степь приняла совершенно новый вид. Дорога скоро исчезла, и мы ехали целиком по крепкой глинистой почве, едва покрытой сожженной солнцем травой. Степь рисовалась перед нами во всем своем необъятном величии, подобная

слегка взволнованному морю. Тысяча разноцветных оттенков бороздили ее в разных направлениях; в иных местах стлался прозрачный пар, через другие бежали тени облаков, и все казалось в движении, хотя ничего не поражало нашего слуха, кроме стука колес и конского топота. Вдруг один башкирец остановил коня и протянул руку. Последовав глазами направлению его пальца, я увидел несколько светло-желтых точек, движущихся на горизонте: то были сайгаки. Один из нас сел на башкирскую лошадь, в надежде, что успеет как-нибудь к ним подъехать, но едва сайгаки увидели эти приготовления, как пустились бежать, несмотря, что нас разделяло несколько верст. Мы продолжали путь и вскоре стали различать кибитки, расположенные у подножия высокого и длинного утеса синего и лилового цвета, который, как я узнал после, назывался *Кук-Таш*, то есть *синий камень*, и состоял из яшмы. Тут был приготовленный для нас стан. Несколько казаков выехали к нам навстречу, и между ними хорунжий Иван Иванович, заведовавший на кочевке всеми охотами. Известия о сайгаках были са-

мые удовлетворительные. Казаки говорили, что им нет и числа и что не помнят, когда бы их приходило на линию такое множество. Они полагали, что засухи вытеснили их из самой глубины степей и заставили искать прохлады вблизи от Урала.

Когда мы вошли в кибитку, Иван Иванович, к удивлению нашему, показал нам десять сайгачьих голов, с красивыми рогами и с безобразными горбатыми носами, напоминающими своею длиною и мягкостью носы индейских петухов.

— Что вы сделали? — сказал я ему. — Вы напугали сайгаков, они опять уйдут в степи, и вся наша охота пропадет!

— Что ж делать? — отвечал он. — Никак ребят не удержу. Еще казаков пристрастил кое-как, а башкирцев ничем не остановишь, так и рвутся! Вчера убили тридцать штук, сегодня еще не успели поохотиться; впрочем, не беспокойтесь, довольно останется для всех!

Мы хотели тотчас же ехать на охоту, но нам советовали подождать, чтобы сделалось пожарче. Поутру сайгаки бродят табунами и

никого не подпускают, но к полдню они ложатся порознь, и тогда есть возможность к ним подползти. Подождав немного, мы сели на лошадей и рассеялись в степи партиями человека по четыре.

Дорогой я завел разговор с своими проводниками и спросил их: часто ли видно на линии киргизцов?

— Теперь не так часто, ваше благородие, — отвечал один из них, — а все-таки случается; и через Урал даже переходят табуны угонять!

— А как ты думаешь, увидим мы их сегодня?

— Куда! Они уже давно пронюхали, что мы на охоте, и ни одна собака сюда не покажется!

— А я слышал, что они не всегда вас боятся?

— Да, тогда не боятся, когда их десять на одного: дрянной народ, нечего сказать, а плетьюми бить умеют! Меня чуть живого оставили, как попался я им, года два тому; да добро бы один бил, а то кто подъедет, тот и ударит, да один другого крепче, по чему ни попал; а сидел я на лошади нагишом; лишь только поймали, собаки, так всего и раздели дочи-

ста. Дрянной народ, ваше благородие!

— Как же ты ушел от них?

— Двух лучших коней высмотрел, ваше благородие, да и ускакал ночью одвуконь. Два дня, почитай, скакал без остановки, на третий совсем проголодался, да не дал бог умереть: нашел мертвого сайгака, поел немного да взял с собою на дорогу, а без него пропал бы, наверно; верст было с пятьсот от линии.

— Что ж тебя заставляли делать киргизы?

— Что там заставлять? Табуны стерег, кобыл доил да сыр делал из козьего молока. Только били каждый день, собаки; да добро бы уж одни мужчины, а то и бабы и мальчишки! А плети-то у них с доброе полено!

Разговаривая таким образом, мы проехали верст десять, не встретив ничего, кроме сурков, которые, выскакивая из нор, стояли над ними как будто на часах, но не подпускали нас на ружейный выстрел. Изредка, как желтые точки, виднелись вдали сайгаки, но мгновенно исчезали, не давая нам даже различить их формы. Вдруг казак, ехавший возле меня, прилег к конской шее и круто повернул назад. Я и другие казаки последовали его приме-

ру.

— Слезайте проворнее! — сказал он мне, — вон, за этим бугром, лежат сайгаки! Ты, Решетаев, оставайся с лошадьми да поглядывай по сторонам, а вы ложитесь на землю и ползите за мною.

Мы оба легли на землю и начали ползти на локтях и на коленях. В одной руке у меня была тяжелая одноствольная винтовка, в другой не менее тяжелое двуствольное ружье, заряженное картечью.

Глинистая, засохшая почва, уж и без того жесткая как камень, была еще покрыта маленькими острыми камешками, которые причиняли мне ужасную боль; солнце жгло мою спину как будто огонь, и пот градом с меня катился. Несмотря на то, я полз, не останавливаясь; но, не предвидя этому конца, спросил тихонько у казака: где лежат сайгаки?

— А вот, извольте видеть кустик с красными ягодами?

— Вижу.

— А там, полевее, прямая травинка?

— Вижу; так что ж?

— Следите глазом все прямо между ягода-

ми и травинкой; ступенях в пятидесяти от-
толь торчит как будто сучок: то сайгачьи ро-
га.

Я напряг свое зрение и действительно уви-
дел что-то похожее на сучок.

— Скоро ли мы туда доползем? — спросил
я.

— А вот надобно дать немного круга, чтоб
подлезть из-под ветра, а то как раз почуют. Да
не извольте головы подымать, ваше благоро-
дие, тотчас заметят!

Мы опять стали ползти и описали такой
большой круг, что я почти выбился из сил.

— Теперь уж близко! — сказал казак, —
шагов сто, не больше! Не подымайтесь на ко-
ленях, ползите на брюхе! Да ради бога, тише,
не стучите ружьями о землю!

Я совсем растянулся и полз, как лягавая со-
бака.

— Что, скоро ли?

— Тс! вон, стал голову подымать, что-ни-
будь да заметил... ради бога, тише... ну, те-
перь пора!.. Кладите ружье ко мне на плечо!..

Не успел я взвести курка, как сайгак вско-
чил и вихрем умчался в степь. Другие, лежав-

шие вблизи, последовали за ним.

Казак и я посмотрели друг на друга, встали на ноги и побрели навстречу к лошадям.

— Я вам говорил, что надобно более нагибаться! — сказал он, покачивая головой.

Мы пустились рысью, и вскоре Репников (так звали казака) опять увидел сайгаков.

Этот раз мне удалось доползти к ним шагов на восемьдесят, но руки мои дрожали, пот катился в глаза и мешал мне смотреть, я целился минуты с две, наконец выстрелил и дал промах. К счастью, сайгак нас не увидел; он вскочил, посмотрел на все стороны, отошел шагов на сорок и опять лег. Я лежа зарядил ружье, подполз опять на выстрел, но, прежде чем стрелять, отдохнул несколько минут, не спуская с глаз сайгака. Я мог различить его большие, красиво выгнутые рога с черными кончиками, глубокие морщины на горбатом носу и огромные раздутые ноздри, которыми он шевелил во все стороны.

Когда я собрался стрелять, сердце мое так сильно забилося, что мне казалось, будто сайгак услышит его стук. Я вынул из-за пояса ятаган и воткнул его в землю; потом с вели-

чайшею осторожностью положил на него винтовку и крепко прижал ее к плечу. Мне видна была только голова и шея. Я прицелился в шею и, удержав дыхание, тронул шнеллер.

Сначала ничего нельзя было различить за дымом, но, когда я встал и посмотрел вокруг себя, сайгака нигде не было.

Я побежал вперед, и кто опишет мою радость, когда он представился моим глазам, лежащий с простреленною шеей: я попал как раз куда целил!

Казаки скоро ко мне подоспели, сайгака выпотрошили и привязали за седло. Он был ростом более дикой козы, светло-бурого цвета и с шестнадцатью кольцами на рогах.

Эта удача нас развеселила. Мы поскакали далее, соображая направление пути с течением солнца. Я опять вступил в разговор с казаками.

— Правда ли, — спросил я между прочим, — что киргизцы переносят боль с необыкновенным терпением и никогда не жалуется, как бы тяжело они ни были ранены?

— Правда, ваше благородие, — отвечал Репников. — Намедни я откусил одному киргизцу ухо, так нисколько и не поморщился, собака!

— Откусил ухо! — вскричал я. — Каким это образом?

— Да вот будет скоро две недели, как они угнали ночью табун из станицы. Мы собрались сам-восемь и пустились в погоню. Едем час, едем другой, не видать ничего; а след на солончаках знатен, ошибиться нельзя. Что за черт! По моему расчету, нам бы давно пора их увидеть: след идет небольшой рысью, а мы едем верст по пятнадцати на час. «Смотрите, ребята, — говорю я, — тут какая-нибудь да штука, — они, должно быть, запали вон в той лощине. Ступайте шагом да приготовьте винтовки, — мне что-то сдается, что они выскочат, собаки, вон из-за этого камня!» Не успели мы еще поравняться с камнем, как слышим: ззз!.. — и стрела воткнулась мне прямо в ногу. Тут как завизжат они да как посыплются один за другим из-за камня, я думаю, человек с двадцать пять было, все с копьями, да еще двое панцирников! Ребята было смешались,

да я говорю: «Не робеть!» Вытащил стрелу из ноги, соскочил с коня, приложился, бац! Так один и покатился. Решетаев ссадил другого, а они, шельмы, как увидели, что мы стоим за себя, повернули коней, да и давай тягу!

— Ну, братцы, — говорю я, — теперь за нами! — Тут ребята ударили на мошенников, кто кого догоняет, а Решетаев гонится за панцирником. Уж он было доставал его плетью, вдруг тот в сторону. Я вижу, что уйдет, разбойник, а панцирь на нем рублей во сто, я и стал норовить наперехват. Под ним конь хорош, а подо мной лучше. Скачем, скачем, только тот как обернется на всем скаку да как пустит стрелу прямо в горло моему коню, так у него и дух вон; покатился, сердечный, и я вместе с ним. Досадно стало, да и коня, признать, жаль. «Не упустить же разбойника!» — говорю я. Взял у товарища коня, да и давай опять догонять, собаку. Только куда! Пока я поднялся на ноги, тот уж успел ускакать чуть ли не на версту, а я остался за всеми последний. Смотрю, он скачет ровным бегом, что стрела летит, а Решетаев чем дальше, тем более отстает. «Эх, жаль, уйдет!» — думаю

я, только, глядь, лошадь его как летела, так со всех ног и ударилась о землю: знать, наткнулась на сурочью яму. Тут Решетаев с ребятами навалились на молодца и скрутили ему руки, а я как подсказал к ним да как увидел эту киргизскую рожу, так сердце и закипело, — бросился на него и отхватил зубами ухо...

Тут рассказчик остановился и, заслонившись рукою от солнца, начал всматриваться в даль.

— Э, э, э — сказал он, — да их тут несколько сотен!

— Кого? — спросил я, — киргизов?

— Нет, сайгаков! — отвечал он.

В самом деле, последовав направлению его нагайки, я увидел множество светло-желтых точек, которые с разных сторон бежали к зеленой полосе, ясно отделявшейся от бурого цвета степи. Зеленою полосою казались издали берега небольшого ручья, впадающего в Урал. Сайгаки, мучимые жаром, бежали на водопой.

— Что? — спросил я, — уьем ли мы хоть одного из них?

— Нет, — отвечал Репников, — кабы заранее залечь в траве, так, может, и набежал бы один-другой, а теперь не подъехать.

Число сайгаков приметным образом увеличивалось. Они бежали к ручью огромными стадами. Чем более я всматривался в даль, тем более открывал их на горизонте: они тянулись отовсюду. Вся степь, исключая какого-нибудь десятиверстного пространства вокруг нас, была ими покрыта. Я думаю, тут было несколько тысяч.

— Экое богатство! — говорили казаки. — Видит глаз? да зуб неймет!

Между тем мы ехали далее и вскоре наткнулись на лежащий табун. Вероятно, его уже прежде нас подсмотрела другая партия, ибо мы увидели верстах в двух четырех всадников, осторожно объезжающих холм, на котором лежали сайгаки; но мы были к ним ближе и к тому ж под ветром. Я слез с лошади, начал было ползти, но сайгаки тотчас вскочили, не допустив меня на несколько выстрелов. Охотники другой партии поскакали, чтобы перерезать им дорогу, а мы погнались за ними с другой стороны, так что они бежа-

ли между двумя партиями, как будто в клетках.

Мы были от них довольно далеко и не имели никакой надежды догнать их; но товарищи наши, скрытые холмом, успели их перехватить. Табун остановился, и нам видно было, какое произошло в нем смятение. Старый самец, бежавший впереди, бросился было в сторону, но один из охотников соскочил с лошади и застрелил его на лету в то самое время, как он делал отчаянный прыжок. Выстрел этот возбудил удивление казаков, никогда не стреляющих иначе, как с подлаза, и то с помощью приделанных к их ружьям присошек.

— *Джигит! Джигит!* — закричали они, поглядывая друг на друга, то есть молодец, молодец! Здесь можно заметить, что татарский язык употребляется у казаков линейных станций почти столько же, как и русский, а мои проводники беспрестанно на нем болтали.

Мы съехались с своими товарищами, сравнили наших сайгаков и нашли, что убитый ими гораздо более моего. Между тем солнце так пекло и мы чувствовали такую жажду, что решились воротиться в свои кибитки.

Охотник, застреливший сайгака, убил дорогой сурка из винтовки. Бывший с ним калмык тотчас слез с лошади, чтобы его взять.

— Что это, самец или самка? — спросил мой товарищ.

— *Жеребец*, ваше благородие! — отвечал калмык, сняв фуражку.

Мы от души захохотали, и кто видал смешную фигуру сурка, тому этот ответ, вероятно, покажется столь же забавным, как и нам.

— Смотрите, ваше благородие! — сказал мне Репников, — ведь калмык теперь подобрал сурка, а потом его съест. Это такой народ, — хуже киргизцов, всякую гадость едят, а еще называют себя христианами!

И казак, незадолго перед тем откусивший киргизское ухо, с омерзением плюнул в сторону.

Мне также удалось заслужить название *джигита*, застрелив пулей, на довольно большом расстоянии, сидячего *карагуша*, род орла, которого бывшие с нами башкирцы тотчас ощипали, чтобы перьями его оклеить себе стрелы.

Когда, после продолжительной езды, мы

увидели вдали свои кибитки, то, вместе с ними, нам представилось необыкновенное и великолепное зрелище. Вместо степи, сожженной солнцем, у подножия синего утеса Кук-Таш расстиралось прекрасное озеро, отражавшее, как светлое зеркало, и утес, и расположенные близ него кибитки.

— Что это за озеро? — спросил я с удивлением, — это не наши кибитки?

— Наши! — отвечали, смеясь, казаки. — Это не озеро, а марево[3].

Несмотря на это объяснение, я не мог поверить, что вижу не что иное, как призрак; и мне казалось, что я различаю все оттенки воды и отраженных в ней облаков. Я поскакал прямо к кибиткам; но по мере того, как к ним приближался, вода делалась все более и более прозрачною, превращалась в струящийся пар и наконец совсем исчезла.

В кибитках был приготовлен для нас вкусный обед; но мы предпочли пить чай. Никогда я не забуду, с каким удовольствием выпил я одиннадцать стаканов горячего чаю, несмотря на то, что на мне не было ни одной сухой нитки и что даже в тени было более

тридцати градусов.

Остальную часть дня мы провели в бездейственном отдыхе. Рассеянные партии возвращались одна после другой; но башкирцы остались в степи и приехали только поздно вечером, обремененные добычей. У многих было по два, а у иных даже по три сайгака за седлом. Всего-навсего в этот день было убито более пятидесяти штук, а всех нас было только сорок человек.

Большая часть наших оренбургских охотников, утомленных ездой и ползанием, в тот же вечер уехали на кочевку; но я остался, чтобы еще на другой день поохотиться с казаками.

Целую ночь перед кибиткою горел костер из сухой травы и привезенного нами хвороста. Казаки окликали друг друга на пикетах. Звезды сквозь круглое отверстие кибитки смотрели мне прямо в лицо; но ни поэтический свет их, ни треск пылающего хвороста, ни клики казаков не помешали мне заснуть крепким сном. Я спал как убитый и проснулся только тогда, как солнце было уже высоко и наставало время ехать на охоту.

Репников с своими товарищами повели меня этот раз по другому направлению. Опять я увидел тысячи сайгаков, опять имел случай любоваться чудесным освещением и бесчисленными оттенками степи; но места, по которым мы проезжали, являли более разнообразить, чем вчера. Холмы были выше, лощины глубже, а местами синели обломки яшмовых утесов или краснели большие груды железняка. Но, кроме редкой сожженной травы, мы ни вчера, ни сегодня не встречали никакого следа прозябения.

После долгой езды и многих неудачных попыток я застрелил одного сайгака с подлаза, а другого, раненного казаком, мы догнали на лошадях. Довольные этой добычей, мы уже возвращались домой, как увидели вдали большой бегущий табун.

Репников несколько секунд следил за ним взглядом, ударил коня и поскакал совсем в другое направление, сказав только: «За мной, не отставайте!»

Мы примчались к глубокому оврагу, бросились на самое дно и продолжали скакать во весь опор, не обращая внимания на большие

острые камни, лежавшие на дороге. Овраг, похожий на узкий коридор, поворачивал то направо, то налево и, наконец, начал постепенно уравниваться с поверхностью земли. Как скоро она стала видна, Репников велел нам слезть с лошадей и бежать за ним пешком, согнувшись как можно более.

Таким образом мы достигли до утеса, из-за которого могли свободно обозревать степь, сами не будучи видимы. Чего ожидал Репников, то и случилось. Не прошло двух минут, как показались сайгаки, бегущие рысью прямо ка нас. Впереди их был прекрасный самец с большими лирообразными рогами нежного желтого цвета, которые на солнце казались прозрачно-золотыми. Он раздувал широкие ноздри и подымал голову кверху, как будто чуя опасность.

Мы притаили дыхание и взвели курки. Когда табун, шагах в шестидесяти, поравнялся с утесом, я приложился и выстрелил с передового сайгака. Он перевернулся колесом и упал вверх ногами. Весь табун взволновался, поднялась ужасная пыль и скрыла его на минуту. Казаки также выстрелили по бегущему табу-

ну, но дали промах. У меня еще оставалось двуствольное ружье, заряженное картечью. Я выстрелил из обоих стволов, почти не надеясь на удачу. Табун продолжал бежать, но один сайгак отделился от прочих и бросился в сторону. Он бежал скоро, но по временам спотыкался, взрывая облака пыли.

— Подбит, подбит! — говорили казаки, смотря ему вслед.

Мы сели на лошадей, оставили одного казака, чтобы взять убитого сайгака, и пустились догонять раненого. Вскоре мы его настигли, и Репников, подскакав к нему сбоку, убил его наповал одним ударом нагайки.

Этот случай дал ему повод рассказать мне, каким образом башкирцы и киргизцы ездят осенью на волков. «Лишь только упадет пороса, — говорил он, — они садятся на коней и ищут волчьего следа. Попав на тропу, они едут ею до тех пор, пока не увидят зверя; а как скоро он покажется, то преследуют его в узерку небольшою рысью. Сначала зверь бежит скоро, иногда даже скрывается из виду, но мало-помалу устает, останавливается и оглядывается на охотников. Случается, что

они таким образом едут верст пятьдесят. Наконец волк выбьется из сил, высунет язык и пойдет шагом: тогда охотники к нему подсказывают и убивают его нагайками. Удар по носу считается вернейшим».

Разговаривая про киргизцов, про степь и охоту, мы приехали к своим кибиткам. Вскоре возвратились и прочие стрелки, а как накануне прибыл в стан *дистаночный начальник* с тридцатью новыми казаками, то и добыча этот раз была гораздо более. Несмотря на то что охота кончилась ранее вчерашнего, мы застрелили с лишком сто сайгаков.

Обед наш состоял большею частью из сайгачины. Мясо это довольно вкусно и несколько похоже на баранину; но я ел его не без отвращения: у всех сайгаков под кожей на спине были большие белые черви; и хотя места эти тщательно вырезывались, но мысль о них не придавала особенного вкуса ни соусу, ни жаркому. Черви эти происходят от яиц, которые кладут к ним в шерсть какие-то насекомые. Все кожи, нами снятые, были на спине как будто прострелены крупною дробью; но зимою у сайгаков червей не бывает.

После обеда началась между башкирцами стрельба из лука, борьба и пробование силы. Мне удалось, на расстоянии пятидесяти шагов, пронзить стрелой татарскую шляпу; но после этого случайного выстрела я не переставал давать промахи. В борьбе, требующей столько же силы, сколько и ловкости, башкирцы без труда бросали меня на землю, так же как и казаков; но в пробовании силы я несколько раз одерживал над ними верх, и они меня честили именем *джигита*. Когда настала ночь, мы все вместе отправились верхами в Сухореченскую крепость. Казаки затянули песни, и голоса их терялись в необъятном пространстве, не повторяемые ни одним отголоском... Песни эти отзывались то глубоким унынием, то отчаянною удалью и время от времени были приправляемы такими энергическими словами, каких нельзя и повторить. Поезд этот запечатлелся в моей памяти со всеми его подробностями.

Как теперь вижу я небо, усеянное звездами, и степь, похожую на открытое море; как теперь слышу слова:

Дай нам бог, казаченкам, пожить

*да послужить,
На своей сторонущке головки по-
ложить!*

Слышу глухой топот и фыркание коней, бряцание стремян, шум и плеск воды, когда мы переезжали через Урал...

На другой день мы прибыли опять на кочевку; началась наша прежняя тихая жизнь, стрельяние в цель, и купанье, и бесконечная тетеревиная охота.

<1842>

Примечания

1

Кочевка — стоянка кочевников.

[^^^]

Хивинская экспедиция — была предпринята в 1839 г. с целью подчинения России Хивинского ханства. Во главе экспедиционного корпуса стоял оренбургский военный губернатор генерал В. А. Перовский, брат матери Толстого. Поход окончился неудачно.

[^^^]

3

Известное явление, которое французы называют mirage. (Прим. автора)

[^^^]